

Зачем Церкви наука?

Интервью с Сергеем Леонидовичем Кравцом,
руководителем Церковно-научного центра
«Православная энциклопедия»

Сергей Леонидович, сегодня Вы возглавляете один из масштабных церковных проектов — издание Православной энциклопедии. Скажите, пожалуйста, как складывался Ваш жизненный путь?

Если говорить о влиянии на выбор жизненного пути, то, наверное, надо упомянуть трех человек. В годы студенчества, когда я учился в Университете — это Игорь Иванович Виноградов, литературовед, заведующий отделом литературной критики в «Новом мире» — именно ему я обязан своим интересом сначала к русской религиозной философии, потом к религиозной жизни — собственно, он мой крестный. Потом, несомненно, повлиял Алексей Федорович Лосев, которого мне удалось застать уже в последние годы его жизни, с ним общаться, работать, писать о нем, готовить его публикации. И до сих пор большое значение в моей жизни имеет отец Андроник (Трубачев), с которым мы дружим уже очень многие годы. Его совет во многом определил мою жизнь. В 1989 году мы с женой были готовы уехать в Германию, мне давали профессорскую Гумбольдтовскую стипендию, чтобы я писал монографию о русских религиозных мыслителях на основании их архивов в Германии — работа замечательная. Но наша поездка, хотя все было готово, не состоялась именно из-за отца Андроника, который как раз в это время был поставлен наместником Валаамского монастыря. Он стал насмерть: «Мы столько лет мечтали, что

у нас будет свое издательство, что мы будем издавать те книги, которые хотим: труды отца Павла Флоренского, книги по истории Церкви, по истории философии — а ты убегаешь!» И мы остались и организовали издательство Валаамского монастыря. До того момента я предполагал заниматься наукой, и супруга моя тоже собиралась продолжить изучение греческих схолий преподобного Максима Грека: об издательской деятельности, тем более об издании энциклопедии мыслей не было никаких.

Как получилось, что работа в издательстве Валаамского монастыря переросла в создание центра по изданию Православной энциклопедии?

Сначала наше издательство было очень маленьким, мы почти не делали новых книг, в основном занимались репринтами, однако всегда издания сопровождалось комментариями, писались вступительные статьи. Кое-что сделали из нового: перевод на русский «Просветителя» преподобного Иосифа Волоцкого и жития преподобного Сергия Радонежского, был собран двухтомник преподобного Серафима Саровского. Но с 1993 года, когда было принято решение о научном переиздании «Истории Русской Церкви» митрополита Макария (Булгакова), началась совершенно другая работа.

Сразу стало очевидно, что ни сил нашего издательства, ни даже сил всех церковных ученых не хватит на то, чтобы сделать новое

С.Л.Кравец со Святейшим Патриархом Московским и всея Руси Алексием II

комментированное издание, обновить всю библиографию, внести необходимые уточнения. Тогда мы пошли на соединение церковных ученых с большой группой историков Академии наук, и выяснилось, что это очень работоспособное объединение. Первоначально все очень боялись: церковные ученые боялись высокомерия со стороны академических, говоря: «У них там ни служб, ни преподавания, ни послушаний нет, сидят себе в архивах — конечно, они лучше знают». А светские боялись такого отношения, что, мол, «вы ничего не понимаете в нашей церковной истории, а лезете». Однако и те, и другие опасения оказались совершенно напрасными, и сложился очень хороший коллектив, основанный на взаимном уважении.

Удачный опыт издания «Истории Русской Церкви» привел в 1996 году к решению о создании Церковно-научного центра «Православная энциклопедия». Но было очевидно, что без государственной поддержки Церковь не сможет издавать энциклопедию. Я помню слова Святейшего Патриарха: «Представить себе менее подходящее время для работы над

энциклопедией трудно. Но другого у нас нет». И мы решились.

У энциклопедии есть такой промежуток времени в полтора-два года, когда затраты огромные, а выхода никакого, потому что занимаешься словниками, методиками, публикационными принципами, создаешь компьютерную базу... К концу февраля 1998 года денег оставалось на одну зарплату. И мы уже были готовы сократить штат до пяти человек, чтобы хоть как-то кодифицировать то, что наработано — но 3 марта вышел указ Президента о работе над «Православной энциклопедией». Государство сразу выделило полмиллиона долларов, но важнее денег был статус: энциклопедия издается под эгидой Президента.

За 1998–1999 годы мы сформировали творческий коллектив. Сейчас он огромен, я даже всех сотрудников по именам не знаю. Когда-то нас было 20 человек, сейчас — полторы сотни, об авторах я вообще не говорю — их более тысячи, со всех концов земли. Сначала были только московские и санкт-петербургские уче-

ные, постепенно присоединились отовсюду краеведы, церковные историки, музыковеды, искусствоведы, литургисты... Так что сейчас нет ни одного континента, где бы не писались или не рецензировались статьи.

На сегодня энциклопедия — это одна из наиболее свободных церковных организаций, поскольку в первую очередь она является научной, и церковно-политическая обстановка на нее мало влияет. Например, в 1999 году в Джорданвилле с митрополитом Лавром мы заключили соглашение о том, что история Русской Зарубежной Церкви будет или писаться их авторами и рецензироваться нашими, или наоборот: писаться нашими, а рецензироваться в Джорданвилле. Сотрудничество с ними идет, мне кажется, очень удачно, в итоге мы получаем достоверные сведения. Как другой пример, даже в самые сложные периоды взаимоотношений с Римом статьи в энциклопедию о реалиях Ватикана писали ватиканские же кардиналы и епископы, потому что нам важно получить наиболее достоверную и актуальную информацию. Вне зависимости от церковно-политических проблем наука дает очень хорошее поле для взаимодействия.

Когда в Ватикане происходила презентация «Православной энциклопедии», в составе делегации была Елена Юрьевна Гагарина, директор музеев Кремля, дочь Юрия Гагарина. Атмосфера была очень радужная, и кардинал Шпидлик пошутил: «40 лет назад в космос летал Гагарин, вернулся, и Хрущев говорит: „Вот Гагарин летал, Бога не видел. Значит, Бога нет“. Прошло 40 лет, и его дочка привезла в Рим и представляет Православную энциклопедию. Что это значит? Это значит, что Гагарин Бога видел, только Хрущеву не сказал». Кстати, при подготовке сюжета из Звездного городка для телепрограммы «Православная энциклопедия» мы узнали, что слова Гагарина были следующими: «Кто на Земле Бога не знает, тот Его и в космосе не найдет».

Сергей Леонидович, кто является основным вдохновителем проекта Православной энциклопедии?

Своим существованием, направлением своей жизни, своими успехами мы полностью обязаны Святейшему Патриарху, но не в том смысле, что он осуществляет представительские или организаторские функции, и даже не в том, что он возглавляет Церковно-научный центр. Главное, что работа над энциклопедией нашла действительно глубокий отклик в его

душе. Когда мы начинали делать «Историю Русской Церкви», меня поразило его профессиональный подход. Разговор с Патриархом был разговором не столько с церковным деятелем, сколько с церковным историком, который знает и архивы, и систему работы, не только хорошо владеет общеизвестным материалом, но и является специалистом в каком-то конкретном разделе истории.

Когда мы готовили к публикации его книгу «Православие в Эстонии», мы ее прогнали через все те тернии, которые обычно проходят научные книги, в том числе и через внешнее рецензирование без указания автора, и получили очень хорошие отзывы. Книга получилась замечательная. Патриарх по своему внутреннему складу — несомненно архивист, а его личный архив по Эстонии — бесценный клад. На протяжении многих лет архиерейства в Таллине он из года в год служил в один и тот же праздник в одном и том же храме, и как человек очень систематичный каждый раз записывал, сколько у него было народа на помазании, сколько причащалось, сколько возле церкви стояло подвод, мотоциклов, автобусов, даже сколько велосипедов с точностью до единицы! И когда мы получили в руки эти огромные таблицы — по всем храмам и на протяжении 25 лет — это был, конечно, бесценный материал. Потому что иначе надо пользоваться отчетами уполномоченного в Совет по делам религий, которые зачастую очень сильно искажают действительность. А здесь — классический статистический учет. Но даже не это главное, а сам тип мышления, то, что интеллектуальная составляющая жизни безусловно признается Патриархом ценной и одной из важнейших, и что даже при всей загруженности у него есть внутренняя необходимость в научной работе.

Эта черта Его Святейшества определила наше существование, потому что мы — та структура, которая помогает реализовывать эту потребность в интеллектуальной жизни и работе. Мне кажется это очень важным. Чем больше будет людей, особенно среди высшего духовенства, которые или имеют с детства, или благоприобретают эту интеллектуальную потребность, тем, конечно, науке в Церкви будет лучше.

В какой мере Святейший Патриарх вовлечен в работу над текстами?

Конечно, он не может прочитывать все сотни страниц энциклопедии, но всегда участвует в

работе над наиболее сложными статьями, где нет устоявшейся точки зрения, где нет сформулированного церковного мнения. На сегодня Патриарх является уникальным знатоком почти всех сторон церковной жизни: он знает приходскую жизнь; восстанавливая Пюхтицы, он узнал, что такое монастырская жизнь; знает и епархиальное управление, был и Управляющим делами Патриархии, работал в ОВЦС, возглавлял Учебный комитет, руководил восстановлением Даниловского монастыря... Проблемы всех этих сфер церковной жизни он знает на своем опыте, но при этом не было такого, чтобы у него опускались руки, чтобы он не видел путей их разрешения.

С самого начала он задал очень здравомысленный тон: энциклопедия должна делаться на основе твердого научного знания, а работа должна опираться на дружелюбное сотрудничество церковных и светских людей. Наша энциклопедия объединяет очень разных людей: от руководителей государств до краеведов из маленьких поселков. И все, что между ними понастроено: амбиции, советские пережитки — все эти, как их Патриарх называет, «средостения», должны быть разрушены ради того, чтобы быть вместе и делать общее дело: церковно-научное издание.

Я помню, во втором томе было несколько очень тяжелых статей, одна из них о владыке Антонии (Масендиче), ныне покойном. Он нам прислал письмо, в котором просил не указывать отдельных сторон его биографии, связанных с церковным расколом на Украине. Я приехал за советом к Патриарху, и он спрашивает: «Что значит не указывать? Мы пишем достоверную фактическую историю. Что было, то было». И ни одного раза, даже в сложных статьях, в том числе и связанных с церковно-политической историей, не было такого, чтобы Патриарх сказал: «Не надо об этом писать, давайте умолчим». Если есть подтвержденное свидетельство, мы его должны привести.

Сергей Леонидович, как Вы оцениваете современное состояние церковной науки?

Конечно, по сравнению с 1980-ми годами скачок огромный, не только в изданиях, но в самом уровне обсуждения проблем, выходе на актуальные церковно-исторические, теологические, литургические вопросы. Больше людей стало заниматься церковной наукой, это дает не только больший объем работ, но и происходит взаимообогащение, поднимается общий уровень. Когда в начале 1990-х годов

стало возможно и интересно заниматься церковной наукой, то она, будучи сама системой, развивалась несистематично, на энтузиазме, сама из себя, такой природный рост: «пусть цветут сто цветов!» Это необходимый период, если с самого начала систематизировать, управлять рычагами, то все умрет. И сейчас главный вопрос: достигла ли церковная наука того уровня, когда она естественно нуждается в кодификации, в некоем регулировании, когда уже выяснились основные направления ее развития.

Каким образом возможно регулировать развитие науки?

Жесткое регулирование ни к чему не приведет — надо думать о поощрительных мерах. Поэтому мы сначала в 1997 году создали Макариевский фонд, который стимулирует научные исследования, а в конце 2000 года организовали Агиографический совет, который каждый год распределяет гранты на исследовательские работы по русской агиографии. С одной стороны, надо понять, какие направления церковной науки сейчас на подъеме — потому что помогать можно только тому, что развивается — и, с другой стороны, нуждаются в нашей помощи: организационной, финансовой... Например, церковно-историческая наука в нашей помощи сегодня не нуждается. Мы сделали фильм по истории Русской Церкви: «Земное и небесное», и вслед за ним пошли телевизионные сериалы. Многие востребованы как консультанты — это значит, что теперь они могут существовать. Но патрологию, догматическое богословие и многие другие направления надо поддерживать.

Существует и другая проблема. Современная наука требует огромной работы по вспомогательным дисциплинам: палеографии, археографии, археологии, архивной работе — здесь нужны профессиональные знания, которых церковное образование не дает. На этом фоне важно, чтобы церковная наука не перешла к светским ученым, чтобы среди церковных ученых были специалисты и в этих областях. Несомненно, во многих областях мы держим первенство: в догматическом богословии, в литургике — но, например, в области церковной истории мы уже утратили свое преимущество.

Насколько важно, чтобы церковные ученые были священнослужителями или монахами?

Если историю монастыря пишет светский человек, он возьмет то, что покажется ему

наиболее важным: владения, систему хозяйственного и административного устройства монастыря, может быть, перечень чудотворных икон — но ни слова не будет о духе монашеской жизни, о преемстве старчества. Светский человек живет в несколько ином мире, поэтому читая те же самые монастырские летописи, пройдет мимо этого. Или же, наоборот, начнет преувеличивать эту сторону жизни, и мы получим восторженные повествования о бесконечном числе старцев, пророков и так далее. Поэтому клирики и монахи должны присутствовать в церковной науке. Не дай Бог, догматическое богословие станет предметом рассуждения только светских философов, для пытливого ума которых нет ни предела, ни авторитета Священного Предания. Цементирующими должны быть именно церковные люди, как всегда и было. Особенно это важно, если речь идет не просто об изучении истории богословия, но о современном богословствовании. Несомненно, творческие светские личности могут принимать участие в этой деятельности, предлагать, дискутировать — но церковный разум требует здесь присутствия ученых клириков. И здесь большая ответственность лежит на духовных семинариях и академиях, на их готовности давать образование на высоком уровне.

Откуда Вы предполагаете набирать новых сотрудников в Церковно-научный центр? Ведь молодых ученых надо возвращать.

Мы об этом уже думали, и это для нас вопрос прагматический. Конечно, мы очень заинтересованы растить себе будущих сотрудников по целому ряду дисциплин, но в этом случае мы хотим иметь право выставлять свои требования. Если студент духовной академии пишет работу по теме, связанной с историей Русской Церкви, то мы хотели бы ввести второго научного руководителя от Академии наук, который предъявил бы требования академической науки: архивная работа, проработка литературы, систематизация библиографии — тот минимум, которому у нас в энциклопедии нельзя не соответствовать. Во-вторых, мы бы несомненно настояли на внешнем рецензировании. Корпорация академическая хороша, но если вы помните, то до революции даже на защиты дипломов приезжали люди из Москвы — это были публичные обсуждения, по-разному заканчивавшиеся, иногда и полным провалом. В-третьих, возможно, перспективные студенты дополнительно посещали бы

занятия по языкам, например, по латыни и французскому — тогда мы бы знали, что у нас готовится человек, который сможет заниматься средневековой Европой. Эти требования мы не придумываем, просто жизнь заставляет: а как иначе он сможет смотреть первоисточники, читать библиографию, общаться с авторами? А по окончании, как это принято на Западе, мы бы договаривались, что какое-то время человек обязан у нас поработать. Понравится — останется, не понравится — уйдет. И мы готовы помочь Московской духовной академии взра-

На заседании круглого стола «Возрождение церковной науки. Новейшая история и проблематика. 1990-2005 годы» в ЦНЦ «Православная энциклопедия»

стить таких молодых ученых. Но, что и говорить, это «штучный» товар. Однако, учитывая, какими темпами издается наша энциклопедия, такому человеку мы на много лет может гарантировать работу: на девятом томе мы только выходим из буквы «В».

Каким же будет общее количество томов энциклопедии?

Не знаю. Страшно сказать. А что делать? Параллельно у меня идет работа над Большой Российской энциклопедией, там проще, поскольку есть исследования, на которые можно сослаться. А тут зачастую приходится заново переводить оригинальные тексты, собирать все по крупичкам.

Предполагается ли выпуск электронной версии энциклопедии?

Разумеется, но компакт-диск с несколькими томами энциклопедии выпускать бессмысленно: сначала надо ее полностью завершить,

**ЛОШАДИНЫМ СИЛАМ
НУЖНА ХОТЯ БЫ
ОДНА ГОЛОВА**

Плакат информационной программы МВД РФ по безопасности дорожного движения

отладить поисковые системы и перекрестные ссылки. Как первую пробу мы выпустим на одном диске том «Русская Православная Церковь» и справочник со всеми адресами храмов и биографиями архиереев: так будет представлена Русская Церковь в истории и сегодня. А потом будем постепенно выставлять энциклопедию в интернет том за томом, не предполагая коммерчески использовать ее электронную версию. Слава Богу, мы давно уже живем не за счет субсидий, а за счет того, что государство приобретает существенную часть нашего тиража.

Сергей Леонидович, сегодня мы перестаем говорить о церковной науке в сослагательном наклонении. Но остается вопрос: для чего Церкви нужна наука?

Один архиерей по моей просьбе устроил опрос среди священников своей епархии, спросив каждого из них: «Какие книги Вы читали в этом году?» Ответ очень многих совпал: «Требник». Это не анекдот, это реальная сегодняшняя жизнь. Человек с научными интересами отличается от человека без оных примерно так же, как человек с религиозными интересами отличается от человека без таковых. Как наука, так и религия — существенные компоненты человеческой жизни. Есть две стороны у науки: одна обращена к истине — мы познаем какие-то факты, другая обращена к познающему — человек раскрывает в себе потенциальные способности, которые в нем заложены, способности познания истины, различения истины от лжи. Эти познавательные способности тесно связаны не только с эстетической, но и с этической способностью, не только с возможностью познавать прекрасное, но и поступать нравственно.

Мы сетуем, что у нас по телевизору идет пропаганда безнравственности, народ оболванивается. Но простите, вы развивайте народ, приучайте его к чтению действительно интересных книг, к хорошему кино — умного историка, филолога, богослова вы мексиканскими телесериалами не заинтересуете. Таково влияние науки. Церковь всегда была неразрывно связана с наукой, начиная с древнейших времен. Ну зачем Церкви нужна была письменность? — Но именно она создавала письменность для многих народов. Зачем Церкви нужна была книжность? — Но в России сначала появилась церковная история, а потом гражданская. Интеллектуальная работа всегда была неотъемлемой частью церковной жизни. Если ее не будет, то Церковь захиреет, тем более сегодня, когда интеллектуальная составляющая в человеческой жизни приобретает все большее и большее значение. Если обывательски отвечать на вопрос «Зачем Церкви наука?», то есть такой плакат, который вешает автоинспекция: «Лошадиным силам нужна хотя бы одна голова». Невежественный человек не способен к разумному управлению, к стратегическому планированию — ему не хватает ни кругозора, ни умения воспользоваться накопленным опытом. Каждый раз он изобретает колесо, и каждый раз оно у него восьмеркой.

*Беседовал Петр Королев,
4 курс МДС*